

В.Г. Моисеев, В.И. Селезнева

КРАНИОСКОПИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАСЕЛЕНИЯ ВОЛГО-КАМЬЯ 1 ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н.Э.

Предварительное сообщение

Основным материалом для настоящей работы стали остеологические коллекции, полученные в результате раскопок могильников принадлежащих носителям мазунинской, полумской и чепецкой археологических культур. Все эти археологические культуры были распространены в Волго-Камье в 1 тысячелетии н.э.

Территория, на которой встречаются памятники мазунинской культуры, включает среднее течение р. Камы, нижнее и среднее течение р. Белой. В настоящее время памятники данной культуры датируются III–V веками н.э. Предполагается, что данная культурная традиция сформировалась на основе местной пьяноборской, а также пришлой кара-абызской археологических культур [Генинг 1967 а]. Обычно выделяют две группы памятников мазунинской культуры: камскую и бельскую. На основе бельского варианта в VI–VII веках на территории северной части Башкирии складывается бахмутинская культура [Мажитов 1968, 1981].

Полумская археологическая культура, включающая в себя памятники верхнего и среднего течения реки Чепцы, датируется V–IX веками н.э. На основе анализа археологических данных предполагается, что население полумской культуры сложилось в результате смешения двух этнически близких групп выходцев с Верхней Камы и Средней Вятки и в дальнейшем послужило основой для формирования населения чепецкой культуры, непосредственно связанной с современными северными удмуртами [Генинг 1967 б; Семенов, 1989]. Зачастую полумскую и чепецкую культуры объединяют в единую полумско-чепецкую археологическую культуру.

Исследованные нами по краниоскопической программе А.Г. Козинцева серии мазунинской культуры представлены материалами из Боярского и Покровского могильников. Полумская и чепецкая (полумско-чепецкая) культуры представлены семью могильниками, а именно Полумский I и II, Мыдланьшай, Дебёсский, Тольёнский, Качкашурский I и Варнинский.

Поскольку большая часть изученных нами краниологических коллекций была плохой сохранности, мы были вынуждены объединить ма-

териалы из различных могильников в суммарные серии, соответствующие археологическим культурам. При этом на данном этапе мы рассматривали материалы из полемских и чепецких памятников в рамках единой серии, без учета разницы в датировках.

Большинство исследованных материалов хранятся в фондах Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН. Серия из Боярского могильника хранится в Удмуртском государственном университете, серия из Полемского I могильника — в фондах МАЭ РАН и Музея антропологии МГУ, серия из могильника Мыдланшай — в Музее антропологии МГУ.

Кроме древних групп нами были изучены и близкие к современности материалы, хранящиеся в Удмуртском институте истории, языка и литературы УрО РАН. В результате к уже публиковавшимся ранее данным по современным удмуртам [Моисеев 1999] была добавлена серия удмуртов, проживающих на территории северного Татарстана (Атынский, Енабердинский и Арняшский могильники XVII–XVIII веков), а также скорректированы данные по сериям северных удмуртов (табл. 1). Следует сразу оговориться, что серия удмуртов Татарстана очень многочисленна, вследствие чего все выводы относительно данной группы могут носить лишь предварительный характер.

Таблица 1

**Частоты (%) краниоскопических признаков
в древних и близких к современности сериях Волго-Камья**

		ЗИ	КВШ	ЗСШ	ПГУ II	ИПНШ	НО
1	Мазунинская культура	–	17.9 (50)	1.6 (63)	60.0 (30)	71.9 (32)	23.5 (102)
2	Полемско-чепецкая культура	0.0 (14)	12.4 (129)	1.1 (90)	49.2 (59)	68.8 (80)	34.9 (218)
3	Северные удмурты**	11.1 (36)	12.7 (212)	4.8 (167)	45.2 (73)	55.1 (98)	31.3 (163)
4	Южные удмурты	14.3 (21)	15.7 (220)	18.3 (93)	61.4 (114)	71.1 (142)	38.9 (216)
5	Удмурты Татарстана	5.6*(21)	6.3*(34)	11.5 (26)	61.5 (14)	63.2 (19)	38.2 (34)

ЗИ — затылочный индекс, КВШ — клиновидно-верхнечелюстной шов, ЗСШ — заднескуловой шов, ПГУ II — подглазничный узор типа II, ИПНШ — индекс поперечного небного шва, НО — надглазничные отверстия. В скобках дана общая численность наблюдений.

* — величины, вычисленные по уравнению регрессии.

** — скорректированные данные с учетом вновь изученных материалов.

Частоты пяти признаков, а именно КВШ, ЗСШ, ПГУ II, ИПНШ и НО после преобразования в радианы были обработаны с помощью метода главных компонент. Мы не использовали данные по ЗИ, поскольку по причине плохой сохранности черепов нам не удалось получить достаточного количества наблюдений данного признака для мазунинской серии. В качестве сравнительного материала для анализа были использованы данные по 31 близким к современности сериями с территории Европейской части России, Балтии, Скандинавии, а также Сибири и Центральной Азии. Мы также использовали данные по двум поздне-средневековым сериям Вологды, изученным нами в 2011 г. в фондах Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника.

Таблица 2

Коэффициенты корреляции между исходными признаками и первыми двумя главными компонентами

Признаки	I ГК	II ГК
КВШ	-0,554	0,736
ЗСШ	0,878	0,329
ПГУ II	0,625	-0,556
ИПНШ	-0,764	-0,117
НО	0,737	0,513
Собственное число:	2,595	1,235
% общей вариации:	0,519	0,247

*коэффициенты корреляции, превышающие 0,7.

На первые две главные компоненты (ГК), собственные числа которых превышают 1,0, приходится около 77 % общей дисперсии. Очевидно, что I ГК представляет собой двухполюсный вектор, делящий европейские и азиатские группы. При этом европейские группы характеризуются высокими частотами ИПНШ и низкими ЗСШ и НО, азиатские — противоположным сочетанием признаков (табл. 2).

На монголоидном полюсе вектора (положительные значения I ГК) находятся тунгусы и тувинцы, европеоидный же полюс (отрицательные значения I ГК) достаточно неожиданно формируют две поздне-средневековые вологодские серии (рис. 1). Все современные европейские группы заметно уступают им в степени выраженности европеоидных черт. Здесь следует заметить, что столь выраженная европеоидная тенденция, выявленная у вологодцев на основе анализа краниоскопических показателей, не является артефактом данной системы признаков. Сходная кар-

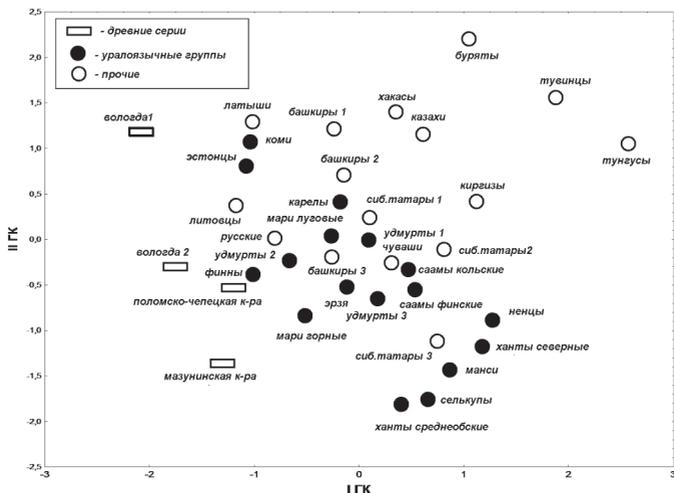

Рис. 1. Расположение групп в пространстве I и II ГК.

Башкиры 1 — Абдрашитово, башкиры 2 — Акбулатово, башкиры 3 — Султа-наево; сиб. Татары 1 — тоболо-иртышские татары, сиб. Татары 2 — томские, сиб. Татары 3 — барабинские татары; Вологда 1 — Софийский собор, Вологда 2 — вологодское городище; Удмурты 1 — южные удмурты, удмурты 2 — северные удмурты, удмурты 3 — удмурты Татарстана

тина наблюдается и при анализе краниометрических признаков [Харта-нович, Моисеев, Ширококов 2012 в печати].

На настоящий момент говорить об источнике европеидности позд-несредневекового населения Вологды можно только на основании кос-венных данных. Так, можно предположить, что поскольку использован-ная в анализе серия русских (Себеж и Старая Ладога) значительно уступает вологодцам в выраженности данных показателей, то имеюща-я «суперевропеидность» вологодцев вряд ли может быть объяснена только посредством их контактов со средневековыми славяноязычными группами населения. Возможно, мы имеем здесь указание на наличие в составе вологодцев какого-то древнего европеидного антропологиче-ского компонента, сохранившегося благодаря территориальной удален-ности Вологды от основных путей миграции средневековья и более ран-него времени.

И мазунинская, и поломско-чепецкая серии, хотя и несколько уступают в степени выраженности европеидных показателей позд-не-средневековым вологодцам, также характеризуются отчетливой евро-пеоидной тенденцией. По степени выраженности европеидных черт

вышеуказанные серии сходны с современными балтийскими и скандинавскими группами и коми-зырянами. Разница же между самими волгокамскими сериями невелика.

Таким образом, на основании сделанного анализа можно предположить, что население Волго-Камья в I тысячелетии н.э. сформировалось на основе групп европейского происхождения, без заметной монголоидной примеси. Если сравнивать древние и современные группы Волго-Камья, то наибольшее сходство наблюдается между полумско-чепецкой серией и северными удмуртами. Последние по сравнению с полумско-чепецкой серией чуть менее европеоидны. Данный результат подтверждает мнение о преемственности населения чепецкой культуры и современных северных удмуртов [Генинг 1967б; Мажитов 1981].

II ГК, описывающая около 25 % общей изменчивости, является однопольярным вектором, т.е. в отличие от I ГК лишь один полюс является значимым в популяционном отношении. В данном случае II ГК работает на отделение современных уралоязычных групп от всех остальных. Известно, что данные группы характеризуются низкими частотами КВШ и высокими частотами ПГУ II [Козинцев 1988; Моисеев 1999]. В данном случае в распределении групп в пределах II ГК решающее значение имеет частота КВШ. Частота ПГУ II, хотя и находится в обычной для таких случаев отрицательной зависимости от частоты КВШ, уступает последней в значимости для межпопуляционной дифференциации (табл. 2).

На «уральском» полюсе находятся угорские и самодийские группы с территории Западной Сибири, а также барабинские татары, чьи предки, возможно, не так давно перешли на тюркскую речь [Strahlenberg 1730]. Финноязычные группы существенно уступают уграм и самодийцам в степени выраженности «уральских» особенностей. Можно предположить, что кроме древнеуральских групп населения в их состав вошли группы иного происхождения. Судя по большей европеоидности финноязычных серий в сравнении с уграми и самодийцами, это были древние европеоидные группы.

Наиболее сильно «уральская» тенденция выражена у горных марийцев, удмуртов Татарстана, финских и кольских саамов, а также у мордвы эрзя. Напомним, что серия удмуртов Татарстана очень немногочисленна, поэтому полученный результат носит лишь предварительный характер.

Из финноязычных групп наиболее удалены от «уральского» полюса коми-зыряне, эстонцы и карелы. Видимо, они сформировались на преимущественно «неуральской» основе, а переход их предков на финские

языки объясняется преимущественно культурно-экономическими, а не популяционными факторами.

Обе древние волго-камские серии попадают в зону трансгрессии «уральских» величин II ГК. Однако однозначно интерпретировать данное наблюдение как показатель родственных связей древних волго-окских популяций с «уральцами», как нам кажется, преждевременно.

Дело в том, что краниоскопически «уральские» группы характеризуются сочетанием низкой частоты КВШ и высокой частоты ПГУ II. Именно такая комбинация признаков наблюдается у современных угорских и самодийских групп. У древних волго-камских серий частота КВШ тоже очень мала, однако частота ПГУ II не достигает типично «уральских» величин. При этом полемско-чепецкая серия вообще характеризуется очень низкой частотой ПГУ II (49.2 %). Несколько выше она у мазунинцев (60 %).

Заметим, что присутствие достаточно большого количества серий с невысокими значениями ПГУ II и достаточно низкими КВШ (кроме древних волго-окских групп такая тенденция в комбинации признаков просматривается и у многих современных поволжских групп) могло быть причиной снижения значимости ПГУ II как фактора межпопуляционной дифференциации в пределах II ГК.

К сожалению, на сегодняшний день нельзя с уверенностью говорить о времени формирования вышеописанной «уральской» комбинации краниоскопических признаков. Можно только отметить, что данная комбинация фиксируется у некоторых групп на территории западной Сибири уже с середины I тысячелетия до н.э. [Моисеев 2006].

Поскольку у носителей более поздней полемско-чепецкой культуры «уральская» комбинация отсутствует, то напрямую связывать «уральскую» тенденцию, фиксируемую по результатам многомерного анализа, с наличием у них зауральской примеси вряд ли возможно. Здесь хотелось бы подчеркнуть, что однозначно речь может идти только об отсутствии у носителей полемско-чепецкой культуры именно зауральского антропологического компонента, родственного тому, который фиксируется у современных угорских и самодийских групп.

Теоретически можно объяснить факт отсутствия у полемско-чепецкого населения высоких частот ПГУ II, сохранив при этом возможность принадлежности их предков к древним уральцам. Так, в свое время В.В. Бунак предполагал, что разделение прауральцев на приуральскую и зауральскую группу произошло очень рано [Бунак 1980].

В этом случае оно могло произойти еще до формирования «полного уральского» комплекса краниоскопических признаков, который оконча-

тельно оформился лишь у зауральских групп, тогда как в Приуралье сохранилось более древнее состояние краниоскопического комплекса. В этом случае наличие, комбинации «низкая частота КВШ — высокая частота ПГУ II» будет свидетельствовать о присутствии в составе той или иной популяции уральских предков именно азиатского происхождения, что, несомненно, имеет место в случае полемско-чепецкой серии.

Гипотеза выглядит достаточно привлекательно с точки зрения перспектив реконструкции популяционных микроэволюционных процессов, но она имеет свои слабые места. Главным фактом, который не вписывается в ее рамки, является высокая степень выраженности европеоидных особенностей у носителей полемско-чепецкой культуры, ведь исходя из предположения о сохранении ими древней недифференцированности логичнее было бы ожидать у них отсутствие четко выраженной европеоидно-монголоидной специализации. Если это так, то низкая частота КВШ может вообще не быть показателем какой-либо родственной связи с прауральскими популяциями, а являться независимо приобретенным признаком, характерным для древних европеоидных популяций Поволжья.

Все вышесказанное может относиться и к мазунинской серии. Однако мазунинцы кроме низкой частоты КВШ характеризуются относительно высокой частотой ПГУ II (60 %), вследствие чего наличие у них уральской примеси зауральского происхождения более вероятно.

Таким образом, основные выводы, которые могут быть сделаны на основании проведенного анализа, сводятся к следующему.

Носители мазунинской и полемско-чепецкой археологических культур сформировались на основе групп европейского происхождения. Существенная монголоидная примесь у них отсутствует.

Носители полемско-чепецкой культуры вряд ли имеют в своем составе существенный уральский компонент, в то время как у носителей мазунинской культуры он не исключен.

Библиография

Бунак В.В. Род Номо, его возникновение и последующая эволюция. М., 1980.

Генинг В.Ф. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // Вопросы археологии Урала. Ижевск; Йошкар-Ола, 1967 а. Вып. 7. С. 7–84.

Генинг В.Ф. Этногенез удмуртов по данным археологии // Вопросы финно-угорского языкознания. Ижевск, 1967 б. Вып. 4. С. 273.

Козинцев А.Г. Этническая краниоскопия: Расовая изменчивость швов черепа современного человека. Л., 1988.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. М., 1968.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

Моисеев В.Г. Происхождение уралоязычных народов по данным краниологии. СПб., 1999.

Моисеев В.Г. Краниоскопическая характеристика населения Западной и Южной Сибири Скифского времени // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 1 (25). С. 145–152.

Семенов В.А. Этнокультурные компоненты полемской культуры // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1989. С. 20–33.

Хартанович В.И., Моисеев В.Г., Широбоков И.Г. Базы данных Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН как источник изучения антропологического состава народов России (антропологические материалы из средневековой Вологды) // Итоговый сборник трудов по программе фундаментальных исследований РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России». В печати.

Strahlenberg Phl. Das nord- und Östliche Teil von Europa und Asia. Stockholm, 1730.

***В.И. Хартанович, М.М. Шахнович,
Р.М. Галеев, Н.А. Лейбова (Суворова)***

НОВЫЕ ДАННЫЕ К АНТРОПОЛОГИИ И АРХЕОЛОГИИ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ТЕРСКОГО БЕРЕГА КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА (С. ВАРЗУГА)

Терский берег Белого моря в период средневековья — территория активных контактов различных этнокультурных образований Европейского Севера. Но на антропологической и археологической картах российской Лапландии этой эпохи он во многом остается «белым пятном». Наши представления об этапах его освоения основываются преимущественно на скудных письменных сообщениях и очень незначительном наборе археологических артефактов. Какие-либо палеоантропологические материалы отсутствовали до последнего времени.